Дата поступления рукописи в редакцию: 31.09.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-4-83-89**
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2026 г.

ГРУШИН В.С.,
ФГБОУ ВО «Российская академия интеллектуальной собственности»,
г. Москва, Россия,
e-mail: vladimirg.sk@bk.ru

Научный руководитель:
ЮДИН А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российская академия интеллектуальной собственности»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОВЕРКА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ В РАМКАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *Исследуется порядок проверки судом допустимости доказательств при рассмотрении административных дел по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Цель работы состоит в выявлении пробелов процессуальной регламентации такой проверки и в обосновании предложений по их устранению. Использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики, включая акты Верховного Суда Российской Федерации 2025 г. и решение регионального суда 2026 г. Показано, что Кодекс закрепляет замкнутую модель допустимости, увязанную с порядком получения сведений, однако не определяет форму, момент и последствия исключения недопустимого доказательства. Обосновано, что при активной роли суда проверка допустимости доказательств, представленных органом публичной власти, составляет обязанность суда, поскольку на этот орган возложено бремя доказывания законности оспариваемого решения. Рассмотрены особенности проверки письменных доказательств, сведений, полученных судом из открытых источников, аудио- и видеозаписей, в том числе с учетом риска синтетических материалов, а также доказательств, основанных на специальных знаниях. Предложено дополнить ст. 61 Кодекса правилами о вынесении мотивированного определения по вопросу о допустимости и о распределении бремени доказывания при исключении доказательства по инициативе суда, а для цифровых записей, представляемых органами власти, предусмотреть обязательную фиксацию сведений об их происхождении.*

Ключевые слова: *административное судопроизводство, допустимость доказательств, недопустимые доказательства, активная роль суда, бремя доказывания, электронные доказательства, аудиозапись, видеозапись, заключение эксперта.*

GRUSHIN V.S.,
Russian Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia

Academic Supervisor:
YUDIN A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Russian Academy of Intellectual Property

VERIFICATION OF THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE IN ADMINISTRATIVE CASES WITHIN ADMINISTRATIVE COURT PROCEEDINGS

Annotation. *The paper examines how courts verify the admissibility of evidence when*

hearing administrative cases under the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation. The aim is to identify gaps in the procedural regulation of such verification and to substantiate proposals for eliminating them. Formal legal and comparative legal methods are used, together with an analysis of case law, including acts of the Supreme Court of the Russian Federation of 2025 and a regional court decision of 2026. It is shown that the Code establishes a closed model of admissibility linked to the procedure for obtaining information, but does not define the form, timing and consequences of excluding inadmissible evidence. The author argues that, given the active role of the court, verifying the admissibility of evidence submitted by a public authority is a duty of the court, since this authority bears the burden of proving the lawfulness of the contested decision. The paper considers the specifics of verifying documentary evidence, information obtained by the court from open sources, audio and video recordings, including the risk of synthetic materials, and evidence based on special knowledge. It is proposed to supplement Article 61 of the Code with rules on issuing a reasoned ruling on admissibility and on allocating the burden of proof where evidence is excluded on the court's own initiative, and to require public authorities to record information on the origin of the digital recordings they submit.

Key words: *administrative court proceedings, admissibility of evidence, inadmissible evidence, active role of the court, burden of proof, electronic evidence, audio recording, video recording, expert opinion.*

Введение

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) действует более десяти лет, и за это время сложилась обширная практика рассмотрения споров граждан и организаций с органами публичной власти [1]. Исход такого спора во многом определяется тем, на каких доказательствах суд строит свои выводы. Конституция Российской Федерации запрещает при осуществлении правосудия использовать доказательства, полученные с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50) [2], а КАС РФ развивает это положение в ч. 3 ст. 59 и ст. 61. Проверка допустимости поэтому образует обязательный этап судебного познания, от которого зависит законность итогового решения.

Актуальность темы связана с двумя обстоятельствами. Первое из них коренится в самой природе административного спора: гражданину противостоит орган власти, располагающий документами и собственными информационными системами, и доказательства, на которых строится его позиция, нередко созданы им же в ходе административной процедуры. Второе обстоятельство обусловлено цифровизацией. Суд получил право самостоятельно получать сведения из открытых источников (ч. 2.1 ст. 59 КАС РФ) [1]. Одновременно развитие генеративных технологий ставит под сомнение подлинность аудио- и видеоматериалов, которые стороны представляют в обоснование своей позиции.

Вопросы допустимости доказательств в административном судопроизводстве затрагивались в литературе с момента принятия Кодекса. Еще в 2017 г. М. А. Фокина обратила внимание на слабую проработку процедуры исключения недопустимых доказательств [3]. Из работ последних лет выделим сравнительный анализ доказательственных норм процессуальных кодексов, выполненный Н. А. Быданцевым и В. В. Кониным [4], и исследование И. Н. Спицина, в котором допустимость рассматривается во взаимосвязи с активностью суда и состязательностью [5]. Подлинности цифровых записей посвящены статьи О. А. Степанова и Д. А. Басангова [6], Е. А. Наховой, Д. В. Волкова и Л. А. Красиковой [7]; к недопустимости сведений, полученных с помощью полиграфа, пришли П. Д. Шкурова, М. М. Зубович и Е. Г. Томбулова [8]. При этом работ, посвященных именно процедуре проверки допустимости по административным делам с учетом практики последних лет, по-прежнему немного.

Цель, задачи и методы исследования

Цель статьи – выявить особенности проверки допустимости доказательств по административным делам и предложить меры по совершенствованию ее процессуального регулирования. Для ее достижения поставлены следующие задачи: определить содержание нормативной модели допустимости в КАС РФ; установить, как на проверку допустимости влияют активная роль суда и распределение бремени доказывания; про-

анализировать проверку отдельных видов доказательств, прежде всего письменных, цифровых и основанных на специальных знаниях; сформулировать предложения по изменению Кодекса.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, использованный для толкования норм КАС РФ, и сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить подходы различных процессуальных кодексов. Эмпирической базой послужили акты Верховного Суда Российской Федерации 2025 г. и решение регионального суда 2026 г. [9; 10; 11].

Нормативная модель допустимости доказательств в КАС РФ

Исходным для проверки допустимости служит определение доказательств в ч. 1 ст. 59 КАС РФ. Доказательствами признаются сведения о фактах, полученные в порядке, предусмотренном Кодексом и другими федеральными законами [1]. Законодатель связывает допустимость с процедурой получения сведений, тогда как их содержание оценивается по иным критериям. Часть 3 той же статьи лишает юридической силы доказательства, полученные с нарушением федерального закона, и запрещает класть их в основу решения суда.

Статья 61 КАС РФ конкретизирует эти положения. Доказательства допустимы, если отвечают требованиям ст. 59 Кодекса, а обстоятельства, которые по закону должны подтверждаться определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими иными доказательствами (ч. 1). Суд признает доказательства недопустимыми по письменному ходатайству лица, участвующего в деле, или по собственной инициативе (ч. 2), причем бремя доказывания обстоятельств, на которых основано ходатайство об исключении доказательства, возлагается на лицо, его заявившее (ч. 3) [1].

Место этого института в доказательственном праве подчеркивается в литературе. Н. А. Быданцев и В. В. Конин пишут: «Существенным в доказательственном праве является вопрос допустимости доказательств» [4, с. 18]. Анализируя технику изложения процессуальных норм, они отмечают: «Каждый процессуальный кодекс содержит определение допустимости доказательства через ее противоположность» [4, с. 18]. Определение допустимого доказательства в КАС РФ авторы называют замкнутым, поскольку оно целиком отсылает к требованиям ст. 59 Кодекса [4, с. 18]. С этой оценкой следует согласиться. Замкнутая модель дает суду ясный ориентир: доказательство допустимо, когда известен его источник и соблюден порядок его получения.

Допустимость выполняет фильтрующую функцию, которую нельзя смешивать с оценкой достоверности. И. Н. Спицин формулирует это положение так: «Допустимость – формальный, а не содержательный критерий отбора фактов при рассмотрении дела» [5, с. 46]. Сведения, правдивость которых не вызывает сомнений, подлежат исключению, если получены с нарушением закона. Для административного судопроизводства этот вывод имеет особое значение. Значительная часть доказательств создается органом власти в ходе административной процедуры, и нарушение порядка такой процедуры прямо отражается на допустимости собранных им материалов.

Наиболее слабым звеном нормативной модели остается процедура исключения недопустимого доказательства. М. А. Фокина указывала, что ч. 3 ст. 61 КАС РФ регулирует распределение бремени доказывания лишь для случая, когда исключения добивается сторона, и оставляет открытым вопрос о том, кто доказывает основания недопустимости, если вопрос поставлен по инициативе суда; для восполнения пробела автор предлагала дополнить эту норму [3]. Действующая редакция ст. 61 Кодекса этот пробел не устранила. Кодекс по-прежнему не определяет ни процессуальную форму, в которой суд разрешает вопрос о допустимости, ни момент, с которого доказательство утрачивает юридическую силу.

Последствия пробела видны в правоприменении. По делу об оспаривании решения бюджетного учреждения об установлении кадастровой стоимости земельного участка в размере его рыночной стоимости административный истец заявил ходатайство о признании заключения судебной экспертизы недопустимым доказательством. Мотивы отказа в нем Кемеровский областной суд изложил в решении по существу спора, указав, что не находит оснований, предусмотренных ст. 61 КАС РФ, и оценив заключение по правилам ст. 82 и 84 Кодекса, тогда как отказ в назначении повторной экспертизы был мотивирован в протоколе судебного заседания [11]. Такой подход закону не противоречит,

однако до окончания разбирательства стороны не знают, какие доказательства суд считает пригодными, и лишены возможности своевременно скорректировать позицию. Полагаем, что ходатайство об исключении доказательства должно разрешаться до окончания исследования доказательств с вынесением определения, в котором приводятся мотивы принятого решения.

Активная роль суда и бремя доказывания при проверке допустимости

Специфика административного судопроизводства выражается в принципе состязательности и равноправия сторон при активной роли суда (п. 7 ст. 6 КАС РФ). Согласно ч. 2 ст. 14 Кодекса суд принимает меры для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, в том числе выявляет и истребует доказательства по собственной инициативе [1]. По делам об оспаривании нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) органов, наделенных публичными полномочиями, обязанность доказывания их законности возлагается на соответствующий орган, а административный истец должен указать, каким актам противоречит оспариваемое решение, и подтвердить нарушение своих прав (ч. 2 ст. 62 КАС РФ) [1].

Активность суда не устраняет состязательности. И. Н. Спицин указывает: «Сама по себе активность суда не означает отмену состязательности» [5, с. 47]. По мнению автора, активность оправдана тогда, когда она служит реальному равенству сторон и защите более слабой из них [5, с. 48]. Из этого вытекает вывод о распределении ролей при проверке допустимости. Если доказательство представлено органом власти, на котором лежит бремя доказывания законности решения, суд обязан по собственной инициативе убедиться в соблюдении порядка его получения. Если сомнение касается доказательства, представленного гражданином, суду достаточно реагировать на доводы процессуального оппонента и разрешать заявленные им ходатайства.

Нормативной опорой такого подхода служит ч. 5 ст. 84 КАС РФ. При оценке документов или иных письменных доказательств суд обязан с учетом других доказательств убедиться в том, что они исходят от органа, уполномоченного представлять данный вид доказательств, подписаны лицом, имеющим право на подписание документа, и содержат все неотъемлемые реквизиты [1]. Формально эта норма относится к оценке доказательств, однако по существу она описывает проверку допустимости письменного доказательства, исходящего от публичного субъекта.

Практика Верховного Суда Российской Федерации подтверждает, что пассивность в проверке доказательств влечет отмену судебных актов. По делу об оспаривании решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию иностранной гражданке Судебная коллегия по административным делам отменила акты трех инстанций и направила дело на новое рассмотрение, поскольку суды не установили обстоятельства, необходимые для оценки соразмерности ограничения, и не проверили сведения, на которые ссылалась административная истица, в том числе о содержании ее и детей супругом за счет законного заработка [9]. Показательно, что отменены были решения, принятые в пользу гражданина. Активная роль суда требует проверки доказательств независимо от того, какой из сторон они выгодны.

Письменные и цифровые доказательства

К письменным доказательствам ч. 1 ст. 70 КАС РФ относит, помимо прочего, документы и материалы, выполненные в форме цифровой и графической записи, полученные посредством электронной связи, в том числе через сеть «Интернет», либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа [1]. Письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии, а подлинники требуются, когда закон предписывает подтверждать обстоятельства только такими документами или когда копии одного документа различаются по содержанию (ч. 2, 3 ст. 70 КАС РФ) [1]. Законодатель связывает допустимость цифрового документа с возможностью установить его достоверность, и граница между двумя свойствами доказательства здесь размывается. Для суда это означает необходимость выяснять способ получения файла уже при решении вопроса о его приобщении.

Новым инструментом стала ч. 2.1 ст. 59 КАС РФ. Суд вправе самостоятельно получать необходимые сведения из открытых источников, в том числе из информационных систем, доступ к которым обеспечивается на официальных сайтах органов власти

и местного самоуправления. Председательствующий объявляет об этом лицам, участвующим в деле, сведения приобщаются к материалам дела в зависимости от их формы, а стороны вправе оспорить их достоверность и представить доказательства [1]. Полагаем, что допустимость таких сведений требует фиксации в материалах дела адреса ресурса, даты и времени обращения к нему, иначе вышестоящая инстанция не сможет проверить их происхождение. Норма не решает вопроса о сведениях из неофициальных источников, например из социальных сетей. Самостоятельное получение таких сведений судом рискует превратить его в сторону спора, поэтому обнаруженная информация, на наш взгляд, может служить лишь поводом для истребования доказательств у лиц, участвующих в деле.

Аудио- и видеозаписи выделены в КАС РФ в самостоятельный вид доказательств (ч. 2 ст. 59) [1]. Исследуя использование записей в цивилистическом процессе, Е. А. Нахова, Д. В. Волков и Л. А. Красикова справедливо указывают: «Вопрос допустимости аудио- и видеозаписей тесно связан с законностью их происхождения» [7, с. 53]. Авторы формулируют и минимальное условие принятия записи: «Данное доказательство не может быть принято в качестве такового, если не установлены его авторство и целостность» [7, с. 53].

Развитие генеративных технологий делает это условие недостаточным. О. А. Степанов и Д. А. Басангов предлагают дополнить стандарт доказывания проверяемой цепочкой происхождения цифрового объекта, подтвержденной метаданными, хеш-суммами и отметками времени, а при ее отсутствии считать материал потенциально сгенерированным и не класть его в основу решения без подтверждения другими доказательствами, сохраняя за судом окончательную оценку [6, с. 202–203]. Преимущество предложения авторы видят в его процедурном характере: «Предлагаемый новый элемент стандарта доказывания не потребует от судей и экспертов технических знаний» [6, с. 203].

В административном судопроизводстве эту идею целесообразно применять с учетом неравенства сторон. Органы власти располагают техническими средствами фиксации и несут бремя доказывания законности своих решений, поэтому для представляемых ими записей обязательность сведений о происхождении вполне оправданна. Для гражданина столь строгое требование было бы чрезмерным. При обоснованных сомнениях в подлинности его записи суд, реализуя активную роль, может назначить экспертизу или истребовать исходный файл и сведения о его создании у оператора связи либо владельца информационной системы.

Доказательства, основанные на специальных знаниях

Особые трудности вызывает проверка допустимости доказательств, основанных на специальных знаниях. П. Д. Шкурова, М. М. Зубович и Е. Г. Томбулова, проанализировав требования научной обоснованности, объективности и полноты исследования, приходят к выводу: «Заключение полиграфолога не соответствует ни одному из названных требований» [8, с. 132]. Использование таких сведений авторы считают вторжением в исключительную компетенцию суда: «Подобная подмена оценки доказательств судом оценкой техническими специалистами совершенно неприемлема» [8, с. 132]. Хотя авторы анализируют главным образом гражданские и арбитражные дела, их аргументация опирается в том числе на ст. 59 и 84 КАС РФ и в полной мере применима к административному судопроизводству.

Допустимость заключения эксперта зависит и от правомочий организации, которой поручено исследование. В Обзоре судебной практики № 2 (2025) Верховный Суд Российской Федерации указал, что независимая военно-врачебная экспертиза может быть поручена только медицинской организации, имеющей лицензию на медицинскую деятельность, которая предусматривает выполнение работ по проведению такой экспертизы; в рассмотренном деле сведения о лицензии экспертной организации содержали расхождения, которые нижестоящие суды не проверили (п. 37, кассационное определение от 29 января 2025 г. № 49-КАД24-22-К6) [10]. Правомочие субъекта, создавшего доказательство, входит в предмет проверки допустимости, и формального наличия документа для вывода о ней недостаточно.

Изложенное позволяет разграничить основания, по которым стороны оспаривают заключения экспертов. Нарушение порядка назначения и проведения экспертизы, вклю-

чая непредупреждение эксперта об уголовной ответственности, а равно отсутствие у экспертной организации необходимых правомочий относятся к допустимости и влекут исключение заключения. Несогласие с методикой и выводами эксперта касается достоверности и разрешается назначением дополнительной или повторной экспертизы по правилам ст. 83 КАС РФ [1]. Смешение этих оснований затрудняет мотивировку судебных актов, и его преодолению могли бы способствовать разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. КАС РФ закрепляет замкнутую модель допустимости доказательств, при которой пригодность сведений определяется порядком их получения. Допустимость носит формальный характер и не совпадает с достоверностью, поэтому суд обязан исключать доказательства, полученные с нарушением закона, даже если их содержание не вызывает сомнений.

Процедура проверки допустимости урегулирована неполно. Предлагается дополнить ст. 61 КАС РФ частью 4 следующего содержания: «Вопрос о допустимости доказательства разрешается судом до окончания исследования доказательств, о чем выносится определение с указанием мотивов. Если вопрос о допустимости доказательства поставлен по инициативе суда, суд выносит его на обсуждение лиц, участвующих в деле, а обязанность доказать соблюдение порядка получения доказательства возлагается на лицо, его представившее». В отличие от ранее высказанного в литературе предложения возложить это бремя на суд, такое правило не ставит суд в положение стороны и сохраняет состязательность.

В условиях активной роли суда проверка допустимости доказательств, представленных органом публичной власти, становится обязанностью суда. Ее нормативной опорой служат ч. 2 ст. 14, ч. 2 ст. 62 и ч. 5 ст. 84 КАС РФ, а практика Верховного Суда Российской Федерации подтверждает, что непроверенные доказательства не могут служить основой решения, кому бы из сторон оно ни было выгодно.

Для цифровых доказательств предлагается фиксировать в материалах дела источник, дату и время получения судом сведений по ч. 2.1 ст. 59 КАС РФ, а для аудио- и видеозаписей, представляемых органами власти, требовать сведения об их происхождении. Применительно к заключениям экспертов необходимо последовательно разграничивать процессуальные дефекты, влекущие недопустимость, и сомнения в обоснованности выводов, которые устраняются дополнительной или повторной экспертизой. Принятие предложенных изменений позволит сторонам заранее знать, какие доказательства суд положит в основу решения, а вышестоящим инстанциям проверять обоснованность исключения доказательств по материалам дела.

Список литературы:

[1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 04.07.2020.

[3] Фокина М. А. Доказывание в административном судопроизводстве: проблемы эффективности правового регулирования // Современное право. 2017. № 3. С. 75–79.

[4] Быданцев Н. А., Конин В. В. Доказательственное право в российском законодательстве: анализ явления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 25. № 4. С. 14–21.

[5] Спицин И. Н. Принцип объективной истины в современном цивилистическом процессе: к вопросу о научной состоятельности идеи // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1. С. 42–53.

[6] Степанов О. А., Басангов Д. А. Технология «дипфейк»: трансформация стандартов доказывания в судопроизводстве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 19. № 2. С. 188–213.

[7] Нахова Е. А., Волков Д. В., Красикова Л. А. К вопросу об использовании аудио- и видеозаписей как средств доказывания по делам, возникающим из семейных правоотношений // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 49–62.

[8] Шкурова П. Д., Зубович М. М., Томбу-

лова Е. Г. Сведения, полученные с помощью полиграфа, как недопустимые доказательства в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 128–133.

[9] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2025 г. № 4-КАД25-15-К1 // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/teiMqPZ6Lii/ (дата обращения: 28.10.2026).

[10] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.06.2025) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/34521 (дата обращения: 28.10.2026).

[11] Решение Кемеровского областного суда от 16 февраля 2026 г. по делу № 3а-7/2026 // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/2KjKT5hUMWgw/ (дата обращения: 28.10.2026).

References:

[1] Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015, No. 21-FZ (as amended on April 9, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10. Art. 1391.

[2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. December 25, 1993; Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). July 4, 2020.

[3] Fokina M. A. Proving in Administrative Judicial Procedure: Issues Regarding the Effectiveness of Legal Regulation // Sovremennoye Pravo (Modern Law). 2017. No. 3. pp. 75–79.

[4] Bydantsev N. A., Konin V. V. The Law of Evidence in Russian Legislation: An Analysis of the Phenomenon // Bulletin of South Ural State University. Series: Law. 2025. Vol. 25. No. 4. pp. 14–21.

[5] Spitsin I. N. The Principle of Objective Truth in Modern Civil Litigation: On the Scientific Validity of the Concept // Russian Law: Education, Practice, Science. 2025. No. 1. pp. 42–53.

[6] Stepanov O. A., Basangov D. A. «Deepfake» Technology: The Transformation of Evidentiary Standards in Judicial Proceedings // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2026. Vol. 19. No. 2. pp. 188–213. [7] Nakhova E. A., Volkov D. V., Krasikova L. A. On the Use of Audio and Video Recordings as Evidence in Cases Arising from Family Law Relations // Leningrad Legal Journal. 2024. No. 1 (75). pp. 49–62.

[8] Shkurova P. D., Zubovich M. M., Tombulova E. G. Information Obtained via Polygraph as Inadmissible Evidence in Civil and Administrative Proceedings of the Russian Federation // Siberian Legal Review. 2020. Vol. 17. No. 1. pp. 128–133.

[9] Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2025, No. 4-KAD25-15-K1 // SudAkt: Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/teiMqPZ6Lii/ (accessed: October 28, 2026).

[10] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2025) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025) // Supreme Court of the Russian Federation: Official Website. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/34521 (accessed: October 28, 2026).

[11] Decision of the Kemerovo Regional Court dated February 16, 2026, in Case No. 3a-7/2026 // SudAkt: Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/2KjKT5hUMWgw/ (accessed: 28.10.2026).